

Елена Викторовна Горбова

Россия, Санкт-Петербургский государственный университет

Вторичная имперфективация русского глагола по данным корпусного исследования

Ключевые слова: русский глагол, вид, (вторичная) имперфективация, словоизменение, диахрония, корпусное исследование

Key words: Russian verb, aspect, (secondary) imperfectivization, inflection, diachrony, corpus research

Abstract

The article presents a diachronic corpus research of secondary imperfectivization of the Russian verb and, in this connection, discusses the significance of the secondary imperfectivization in the theory of Russian aspect. Additionally, the development trend of secondary imperfectivization is discussed: its expansion, contraction or relative stability.

Задачей данной статьи является изложение результатов корпусного исследования (на основе НКРЯ¹), посвященного диахронии вторичной имперфективации русского глагола на временном промежутке от начала XVIII до начала XXI в.

Прежде чем приступить к обсуждению полученного языкового материала, уместно обозначить место вторичной имперфективации в глагольной морфологии, опираясь на литературу.

В рамках теории (от)глагольной деривации С. Карцевского вторичная имперфективация² представляет собой 2-ю ступень предложенного автором

¹ НКРЯ – Национальный корпус русского языка; URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

² Под вторичной имперфективацией ниже понимается суффиксальное (с участием -(и/ы)ва-, -а-) образование имперфективной формы от префигированной перфективной, например: *переписать* → *переписывать*, *открыть* → *открывать*, *снять* → *снимать*. Выбор одного из двух суффиксов мы будем считать, вслед за С. Г. Татевосовым, «словарным свойством основы» [Татевосов 2013: 65]. Возможной вариативности при выборе того или другого показателя (типа *затоплять* – *затапливать*, *проясняться* – *проясниваться*) посвящено исследование [Поле 1993].

деривационного алгоритма, на вход которой поступает результат одного из двух вариантов деривации на 1-й ступени: приставочной перфективации³. По мнению Карцевского именно на этой ступени порождаются «грамматические видовые пары, отражающие операцию развертывания во времени предварительно перфективированного процесса» [Карцевский 1962: 227]. Те самые видовые пары, относительно которых «можно безоговорочно утверждать, что оба члена глагольной пары представляют собой грамматические формы одного глагола-лексемы», как писал в 1960-е гг. А. В. Исаченко [Исаченко 2003: 176]. Аналогичные мысли, сформулированные примерно в то же время, находим и у Ю. С. Маслова:

[...] формами одного глагола мы будем считать только образования сов. и несов. вида типа русск. *дать – давать, бросить – бросать, подписать – подписывать, толкнуть – толкивать*, т. е. однокоренные образования, обладающие тождественным лексическим значением и различающиеся между собой отсутствием или наличием специального суффикса имперфективации [Маслов 1963: 4–5]⁴.

Почти четверть века спустя о роли и семантике механизма (вторичной) имперфективации пишет А. Барентсен:

Именно морфологический процесс имперфективации составляет основу категории вида в современном русском языке. В семантическом смысле суть этого процесса заключается в том, что вторичные глаголы НСВ сохраняют признак, который входит в значение всех глаголов СВ в русском языке, а именно – наличие представления о некоторой «единице», определяющей рамки действия. Суть этой «единицы» определяется семантикой данного глагола [Barentsen 1985: 431; перевод наш. – Е. Г.].

Проходит еще почти три десятилетия и сходное суждение о месте вторичного имперфектива по отношению к исходному имперфективу в связи с проблемой видовых троек находим у Х. Томмолы:

Как только появляется вторичный имперфектив, исчезает потребность обсуждать вопрос, является ли исходный глагол видовым партнером приставочного

³ В работе С. Карцевского 1927 г. предложен трехступенчатый алгоритм так называемой отглагольной деривации, где на 1-й ступени деривации – перфективации – к исходному глаголу (например, *толкать*) присоединяется либо префикс (*вы-толкать*), либо (семельфактивный) суффикс (*толк-ну-ть*), на 2-й ступени – имперфективации – к префигированному результату деривации предшествующей ступени присоединяется суффикс (*выталк-ива-ть*), на 3-й ступени – вновь перфективации – присоединяется префикс (*по-выталкивать*) [Карцевский 1962: 220–222].

⁴ Как известно, в «АГ-80» было принято другое решение, ср.: «видовая пара – это противопоставление разных глаголов» и «[к]атегория вида является категорией несловоизменяемой» [Шведова 2005: 584]. Соответственно выделяются (наряду с супплетивными) два основных типа пар: 1) формируемые путем (префиксальной) перфективации (*делать – сделать*) и 2) формируемые путем (суффиксальной) имперфективации (*переписать – переписывать; решить – решать*) [Шведова 2005: 586].

перфектива. Исходный глагол НСВ тогда оказывается просто исходным глаголом, лишенным обязанности компенсировать видовую дефектность приставочного глагола [Томмола 2008: 223].

Для завершения картины уместно привести еще две цитаты, в первой из которых, на наш взгляд, системообразующая роль вторичной имперфективации в русском языке несколько недооценена, но есть указание на ее расширение «в последние 200–300 лет», в то время как во второй, напротив, отмечается системная значимость данного явления при его скорее диахронически равновесном состоянии, ср.:

[...] примером словоклассифицирующей категории является, по всей видимости, русский вид. [...] Впрочем, справедливости ради следует признать, что отношения между элементами пар типа *оплакать* ~ *оплакивать* вполне могут считаться парадигматическими (т. е. словоизменительными); однако в русской глагольной лексике доминирующими они пока не являются (хотя в течение последних 200–300 лет наблюдается существенный рост таких пар) [Плунгян 2000: 125–126].

[...] наличие имперфективного коррелята у любого глагола сов. вида – это чисто системное требование, и для его реализации имеется универсальное морфологическое средство: суффикс *-ыва-/-ива-*: так возникают глаголы типа *зablуживаться*, *встрепенывался*; они появляются, уходят и снова появляются, вспомним гоголевские формы типа *помарицивался* или *постораниваются* [Зализняк, Микаэлян 2012: 58].

Итак, по поводу места вторичной имперфективации и результирующей формы (вторичного имперфектива – НСВ₂⁵) при описании русского видообразования имеются различные суждения. При наличии согласия по некоторым вопросам (не ставится под сомнение ни словоизменительный характер этого процесса, ни его отнесенность к аспектуальной семантической зоне) отсутствует единство мнений по поводу центральности или периферийности данного (суффиксального) способа видообразования. По крайней мере отчасти это различие в оценках может быть обусловлено отсутствием диахронического описания вторичной имперфективации на объемном языковом материале. Именно этим обусловлена постановка задачи, решаемой в данной работе: представление результатов корпусного исследования, направленного на восполнение этого пробела. Немаловажным также представляется освещение проблемы направленности развития вторичной имперфективации: происходит ли в настоящий момент ее расширение, сворачивание или же имеет место относительная стабильность? Перейдем к обсуждению результатов диахронического корпусного исследования, направленного на выяснение этого вопроса.

⁵ Далее для обозначения первичного (исходного) и вторичного имперфектива будут использоваться аббревиатуры НСВ1 и НСВ2, введенные в работе [Зализняк, Микаэлян 2010].

1.1. Методика корпусного исследования. На базе НКРЯ были созданы три пользовательских подкорпуса со следующими интервалами дат рождения авторов текстов: 1) 1701–1750 гг.; 2) 1850–1901 гг. и 3) после 1950 г. В каждом заданном подкорпусе вводился одинаковый запрос: глагол НСВ с суффиксом имперфективации и наличием приставки за вычетом причастных и деепричастных форм (последнее ограничение было обусловлено необходимостью сделать выполнимой сплошную ручную обработку полученного материала; позже этот пробел был восполнен, см. ниже).

Следующим этапом стало создание базы данных: из полученных выдач были выписаны все леммы и помещены в таблицу в формате Excel (глаголы с показателем *-ся* в качестве отдельных лемм не рассматривались). Фрагмент полученной базы данных приведен в таблице 1, где иллюстрируются все выявленные типы соотношений по представленности леммы в одном или более чем одном подкорпусах.

	1850–1901 гг.		с 1950 г.		1701–1750 гг.	
1.	<i>выгранивать</i>	1				
2.	<i>вытаращивать</i>	1	<i>вытаращиваться</i>	1		
3.	<i>вытаскивать(ся)</i>	1+1	<i>вытаскивать(ся)</i>	1+1	<i>вытаскивать</i>	1
4.	<i>вытверживать</i>	1			<i>вытверживать</i>	1
5.					<i>написывать</i>	1
6.			<i>разбуживать</i>	1		
7.			<i>сцеживать</i>	1	<i>сцеживать</i>	1

Табл. 1. Фрагмент базы данных вторичных имперфективов в НКРЯ с разбивкой по трем подкорпусам

Далее был реализован корректирующий этап работы по формированию базы данных: индивидуальная (с отдельным запросом) проверка наличия каждой леммы, встретившейся хотя бы в одном подкорпусе, в двух других подкорпусах (запросы вводились дважды: без *-ся* и с *-ся*). В результате база данных существенно пополнилась: за счет того, что на этот раз в выдачу попали (ранее исключаемые запросом) причастия и деепричастия, а также вследствие устранения некоторых технических особенностей выдачи материала в НКРЯ, проявляющихся при использовании лексико-грамматического поиска в случае объемных выдач.

Созданная таким образом база данных содержит 1 647 строк (из них 786 являются «двойными»), включая в себя глагол с наличием и с отсутствием

показателя *-ся*), то есть всего 2 433 различающихся планом выражения глагола с обязательным наличием префикса и суффикса имперфективации.

В полученной базе данных представлены следующие префиксы: *в-, воз/вз/вос-, вы-, до-, за-, из/ис-, на-, над-, недо-, о/об/обо-, от-, пере-, по-, под-, пред-, пре-, при-, про-, раз(о)/рас-, с-, у-* – всего 21 префикс (при раздельном рассмотрении *о/об-* и *об/обо-* 22 префикса). Напомним, что этот список получился при обработке выданных НКРЯ на запрос, в который было включено требование наличия приставки. Таким образом, полученный перечень префиксов обусловлен принятой в НКРЯ морфологической разметкой.

Приведем некоторые иллюстрации (здесь и далее все примеры с указанием авторства имеют своим источником НКРЯ):

(1) Первый мой спутник – отец; его бы я определил, как даже не выпуклого, а протопыренного углами, действующими на воображение; он напал на правила, словами, стремясь меня выгранить; не **выгранивал**, откалывал от сознания негранные части (А. Белый, *На рубеже двух столетий*; 1929).

(2) Подружки, желая угодить ей, **вытверживают** и сию песню и вместе с Лиюной плачут (Н. И. Новиков, *Пословицы российские*; 1782).

(3) «Закатилось мое солнце ясно», – повторяло и **вытверживало** что-то внутри его (Б. Л. Пастернак, *Доктор Живаго*; 1945–1955).

(4) Пролетая, они стегали вагон плетками – и секли по спящим слепым его оконцам, как по глазам, что дико было Матюшину понимать, видеть, но никого они все же не **разбуживали** (О. Павлов, *Дело Матюшина*; 1996).

(5) На искусной живописи картину смотреть всякому мило, но в пиктуре один тот охотник, кто любит день и ночь погружать мысли своя в мысли ея, примечая пропорцию, **написывая** и подражая натуре (Г. Скворода, *Разговор, называемый Алфавит или Букварь мира*; 1760–1775).

(6) Впрочем, людям, привычным к канцелярскому строчению, подобная работа ничего не значила: они в один присест **написывали** по решению и были довольны тем, что отдали его в присутствие, а там цензируй кто хочешь, потому что как ни сочиняй, как ни старайся отличиться, – а все без помарок не обойдется (Ф. М. Решетников, *Между людьми*; 1864).

(7) На оставшуюся землю наливают снова еще воды, дают стоять столь же долго и потом опять **сцеживают** (М. В. Ломоносов, *О варених селитры* [перевод статьи Крафта]; 1741).

(8) Пора было **сцеживать** молоко для младшего и варить суп для старшего (А. Архангельский, 1962. *Послание к Тимофею*; 2006).

1.2. Наблюдения над материалом корпусного исследования. В первую очередь обращает на себя внимание распределение глаголов по трем подкорпусам. Имеются следующие случаи: наличие глагола НСВ₂ в одном из подкорпусов

(так называемые «одиночки»), во всех трех подкорпусах или в двух из них (в различных комбинациях). Эти данные представлены в таблице 2.

Единичная представленность – «одиночки»			три корпуса	два корпуса: (1)–(2)	два корпуса: (1)–(3)	два корпуса: (2)–(3)	Σ
1701–1750 (1)	1850–1901 (2)	1950–... (3)					
5	92	22	600	23	2	903	1647
Всего: 119							
%	7,23		36,43	1,39	0,12	54,83	100

Табл. 2. Распределение глаголов по трем подкорпусам

Наблюдаемая картина сводится к следующему:

- а) «Одиночки» имеются в каждом из 3-х подкорпусов.
- б) Более трети всех случаев (36%) приходится на наличие вторичных имперфективов во всех трех корпусах.
- в) Еще бóльшую долю (почти 55%) составляют глаголы, обнаруженные в двух «поздних» подкорпусах: 1850–1901 гг. и с 1950 г.
- г) Пренебрежимо малы доли одновременной представленности глаголов в двух «ранних» подкорпусах (1,39%) и в диахронически противопоставленных подкорпусах (0,12%).

Однако относиться к полученным цифрам нужно с осторожностью, поскольку стремление получить полную выборку вторичных имперфективов по трем подкорпусам вступило в конфликт с требованием сбалансированности их объемов. Сравнение объемов подкорпусов (в предложениях и в словах) и количества обнаруженных в каждом из них «одиночек» представлено в таблице 3.

Рисунок 1 (см. ниже) демонстрирует построенный НКРЯ график распределения по годам (с частотой на миллион словоформ) вторичных имперфективов по основному корпусу (без деления на подкорпусы). Как можно видеть, прямолинейной тенденции к росту или снижению употребления вторичных имперфективов в рассматриваемый период – с 1800 г. по настоящее время – не наблюдается, хотя заметны периоды как увеличения употребительности этих форм (с пиками в 1802 г. с 4 677 на миллион, в 1825 г. с 3 785, в 1863 г. с 4 310, в 1884 г. с 4 239, в 1937 г. с 4 410 и в 2009 г. с 4 919), так и снижения (с провалами в 1817 г. с 2 810 на миллион, в 1835 г. с 2 804, в 1872 г. с 3 591, в 1898 г. с 3 429, в 1958 г. с 3 047, в 1995 г. с 3 603⁶).

⁶ Цифры приводятся по построенному НКРЯ графику: они появляются при наведении курсора на соответствующие точки на графике. Повторив запрос `V,ipf, (d:pref | d:impf)` и запросив статистику, читатель самостоятельно сможет в этом убедиться.

Подкорпус	Объем в предложениях	Объем в словах	«Одиночки»	Сравнение объемов (в словах)	Сравнение количества «одиночек»
1701–1750	135 056	2 320 926	5 из 628 (0,80%)	в 23 раза меньше	в 7 раз меньше
1850–1901	4 608 763	54 309 944	92 из 1616 (5,69%)	основание для сравнения	
> 1950	1 786 468	18 459 176	22 из 1519 (1,45%)	в 3 раза меньше	в 4 раза меньше

Табл. 3. Сравнение объемов подкорпусов и количества одиночных глаголов

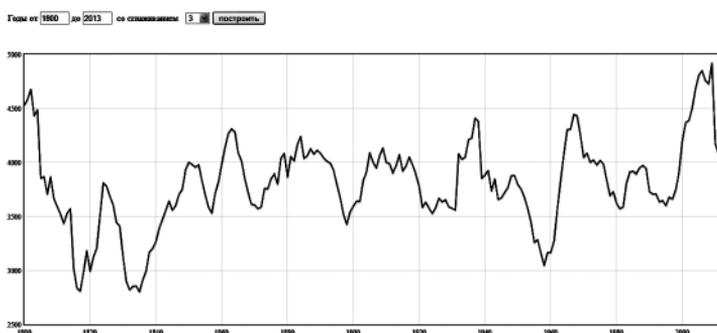

Рис. 1. Основной корпус НКРЯ: распределение по годам (частота на миллион словоформ); запрос: V,ipf, (d:pref | d:impf)

1.3. Выводы. Если обратиться к полученным данным (см. таблицу 2 выше), то можно отметить, что большей частью вторичные имперфективы обнаруживают диахроническую стабильность: 36% соответствий по всем трем подкорпусам, а также 55% соответствий по двум «поздним» подкорпусам. Специфичность данных по раннему подкорпусу (1701–1750 гг.) может быть обусловлена существенно (в 23 раза) меньшим объемом этого подкорпуса по сравнению с самым большим подкорпусом (1850–1901 гг.).

Одиночная представленность НСВ₂ отмечена по всем трем подкорпусам в следующих количествах:

- а) 1701–1750 – 5 единиц: *намерять(ся)*, *написывать*, *насевать*, *расслабевать*, *ухаживать* (в значении ‘неоднократно уходить’⁷), ср.:

⁷ Глагол *ухаживать*, образованный (на 2-й ступени деривации) от исходного глагола ненаправленного движения *ходить*, демонстрирует особую модель деривации. Данная модель характерна для всех глаголов ненаправленного движения. Всего таких

(9) [...] и [я] действительно всегда, когда мне только было можно, **ухаживал** к нему, и там с лучшим удовольствием провождал время, нежели в передней генеральской, где мы обыкновенно сиживали (А. Т. Болотов, *Жизнь и приключения Андрея Болотова. Письма 91–96*; 1800);

б) 1850–1901 – 92 единицы:

впаивать, втачивать, взбудораживать, вспрыскивать, выгранивать, выдаивать, выкликать, вымеривать, выпахивать, выхлопывать, выщелачивать(ся), добриваться, допахивать, досаживать, заблачиваться, заподозривать, застопоривать, застраховывать, застрачивать, зацуривать, избаловывать, извертываться, наганивать, наготовлять, накачивать, насасывать, наказывать, настукивать, натруживаться, обездоливать, обездушивать, огревать, огрубевать, озаглавливать, околпачивать, опоражниваться, опрастывать(ся), остругивать, отуманивать(ся), ощеряться, обглядывать, обкармливать, обомлевать, обскакать, обстраиваться, обсуживать, отвертывать, отжаривать, отпутывать, отсевать(ся), отслуживать, отхаживать, перевинчивать, переглаживать, перегнивать, перезакладывать, перерезывать(ся), пересуживать, перечеканивать, повевать, похваривать, подбочениваться, подзубривать, подслуживаться, пригорюниваться, прихочивать(ся), припаздывать, припаивать(ся), припаривать, припутывать, прискучивать, пристраживать, прогадывать, прокучивать(ся), простуживать(ся), прояснивать(ся), разбалчиваться, развьючивать, раззолачивать, разрознивать, раскорячивать(ся), растеривать(ся), расхватывать(ся), расшивать(ся), скапывать,

случаев в нашей базе данных пять, из них четыре – дериваты от *ходить*: *ходить*^{IMP} → *заходить*^{IMP} → *захаживать*^{IMP}; *ходить*^{IMP} → *обходить(ся)*^{IMP} → *обхаживать(ся)*^{IMP}; *ходить*^{IMP} → *отходить*^{IMP} → *отхаживать*^{IMP}; *ходить*^{IMP} → *уходить*^{IMP} → *ухаживать*^{IMP}; *носить*^{IMP} → *выносить*^{IMP} → *вынашивать*^{IMP}. Впрочем, имеется и еще один внешне похожий случай: *читать*^{IMP} → *причитать*^{IMP} → *причитывать*^{IMP}. Основным отличием от ситуации с глаголами ненаправленного движения является непринадлежность гипотетически исходного глагола *читать* к данной группе. Это обстоятельство побуждает предположить наличие еще одного пути глагольной деривации с промежуточным этапом *причесть*^{PRF} в следующей цепочке: *честь*^{IMP} → *причесть*^{PRF} → *причитывать*^{IMP}. Иллюстрация для *честь*^{IMP}: «Библиотека учителем по вся дни и часы ко употреблению невозбранна, только бы книг по келлиам не разбирали, но **чли** бы оныя в самой библиотечной канторе» (Петр I, *Регламент или устав духовной коллегии*; 1721).

В [Ушаков 1935–1940] в словарной статье ПРИЧЕСТЬ 1-е значение толкуется так: «(несовер. *причитывать*). То же, что *присчитать* (прост.)». В выдаче НКРЯ имеется один контекст с *причитывать*, который позволяет проиллюстрировать трактовку словаря Ушакова: «Я остался при покойнике и прорыдал всю ночь; дьячки читали однообразным, глухим полуголосом, [...] Настасья Ивановна всю ночь пролежала на полу ничком, вопила и выла, припоминая и **причитывая** все добро, которое видела от супруга своего» (В. И. Даль, *Вакх Сидоров Чайкин, или Рассказ его о собственном своем житье-бытье, за первую половину жизни своей*; 1843).

скацивать, скучивать(ся), слаживать(ся), ссовывать(ся), ссучивать, укручивать, усчитывать;

в) после 1950 – 22 единицы:

выгуливать, вбухивать, дополаскивать, задалбливать, замерять, зашвыривать, наворовывать, наглаживать, наработывать, натачивать, наторговывать, окольцовывать, обстирывать, отстирывать(ся), пересдавать, пересевать, переупаковывать, перешагивать, подглядывать, разбазаривать, разбуживать, рассуживать.

Первый (достаточно очевидный) вывод сводится, на наш взгляд, к тому, что вторичная имперфективация присутствует как (относительно) постоянное явление на всем охваченном НКРЯ временном отрезке XVIII–XXI вв. При этом степень узуальности (и конвенциональности) отдельных префиксально-суффиксальных форм НСВ на протяжении всего этого периода варьирует: от частотных и полностью конвенциональных (присутствуют во всех трех подкорпусах) через меньшую представленность (в двух корпусах) до одиночной (в одном корпусе). В последнем случае, как представляется, и может идти речь о неконвенциональности соответствующей формы (о неконвенциональных НСВ₂ см. в [Горбова 2014]).

Следовательно, мы вправе констатировать, что вторичная имперфективация является основным способом русского видообразования. Это обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, минимальным воздействием суффиксальной имперфективации на лексическую семантику и синтаксис основы СВ, к которой она применяется: речь идет о воздействии чисто аспектуальном (имперфективирующем), т. е. грамматическом⁸. Во-вторых, достаточно высокой степени регулярности вторичной имперфективации, о чем также свидетельствуют уже упомянутые выше данные корпусного исследования Лоры Янды: от 37% (НКРЯ) до 77% (Google) всех естественных перфективов образуют вторичные имперфективы [Янда 2012: 42; Janda и др. 2013: 169–171].

Здесь же будет обсужден еще один не лишенный интереса вопрос, который вытекает из созданной базы данных: обязательно ли нужен префигированный СВ для образования НСВ₂? (Деривации от исходного НСВ-глагола ненаправленного движения типа *заходить*^{IMP} → *захаживать*^{IMP} здесь не учитываются, см. сноску 6.)

Постараемся ответить на этот вопрос на основе анализа данных по подкорпусу 1701–1750 гг., включающему 628 лемм, в котором выявлены следующие соотношения:

- а) есть НСВ₂ – есть СВ: *вытверживать* – *вытвердить* – 90% (562 из 628);
- б) есть НСВ₂ – нет СВ: *растравливать* – Ø – 10% (66 из 628).

⁸ Ср. с созвучным мнением С. Карцевского: «Операция развертывания во времени является операцией грамматической. Были бы напрасными поиски в явлении имперфективации какого-то семантического понятия, играющего роль, подобную той, которую при перфективации играет понятие результата» [Карцевский 1962: 228].

Если выйти за пределы названного подкорпуса и посмотреть на него с учетом данных двух других подкорпусов, то прибавятся еще две возможности:

- а) нет НСВ₂ (в этом подкорпусе) – есть СВ (в других подкорпусах): Ø – *доиграть* (37% от суммарного количества лемм в двух других подкорпусах, т. е. 379 из 1 019);
- б) нет НСВ₂ (в этом подкорпусе) – нет СВ (в других подкорпусах): Ø – Ø (63%, т. е. 640 из 1 019).

Всего на 628 форм НСВ₂ в подкорпусе 1701–1750 гг. приходится 941 форма СВ, найденная при проверке на наличие производящей префигированной основы СВ для суммарного перечня НСВ₂ всех трех подкорпусов. Эта цифра в 1,5 раза превышает количество НСВ₂ в данном подкорпусе и составляет 57% от общего количества НСВ₂ по трем подкорпусам, включающим 1 647 единиц.

Думается, что полученные данные позволяют дать ответ на поставленный выше вопрос: в рамках созданной базы данных префигированный СВ не является строго обязательным для образования НСВ₂. Этому факту можно дать по крайней мере два объяснения, см. (10) и (11).

(10) Производящий для НСВ₂ глагол СВ случайным образом не попал в базу данных, созданную на основе трех указанных подкорпусов НКРЯ; соответственно, данный факт не служит доказательством отсутствия в языке данного периода соответствующей формы.

(11) Для образования НСВ₂ используется продуктивная модель: префикс + основа НСВ₁ (с возможными морфонологическими изменениями) + суффикс имперфективации; при этом этап СВ может отсутствовать, то есть мы имеем редуцированную (с пропуском одного этапа) деривацию *травить* → *растравливать* вместо полной деривации *травить* → *растравить* → *растравливать* (аналогия: *обстоять* → *обстоятельство*, минуя **обстоятель*, ср. полную деривацию: *предать* → *предатель* → *предательство*).

На данный момент оба объяснения имеют характер гипотезы; кроме того, они совместимы, поскольку относительно части зафиксированных случаев типа б) «есть НСВ₂ – нет СВ» может быть верно одно объяснение, а относительно другой части – альтернативное.

Итак, наше корпусное диахроническое исследование показало, что вторичная имперфективация на протяжении охваченного НКРЯ временного периода является относительно стабильным и достаточно регулярным явлением. Явного тренда по увеличению или снижению образования НСВ₂ не прослеживается. С другой стороны, по-видимому, не существует и ограничений на образование вторичного имперфектива от единожды префигированного перфектива (относительно ограничения на третичную имперфективацию в случае множественной префиксации см. в [Татевосов 2013]). Таким образом, мы вправе ожидать появления в речи русскоговорящих даже таких

вторичных имперфективов, которые на данный момент не вошли в узус и не признаны нормой (*разбуживать, сделывать* и т. п.).

Наконец, основываясь на отсутствии в полученном материале глаголов СВ, которые должны были бы послужить производящими формами для зафиксированных НСВ₂, можно сформулировать гипотезу о потенциальной реализации вторичной имперфективации напрямую от исходной основы НСВ₁ (с пропуском промежуточного этапа префиксальной перфективации): редуцированная модель *травить* → *растравливать* вместо полной деривационной модели *травить* → *растравить* → *растравливать*.

Литература

- Горбова Е., 2014, Еще раз о видообразовании русского глагола: к словоизменительной трактовке вида, *Russian Linguistics*, т. 38, № 1, с. 1–21.
- Зализняк А. А., Микаэлян И. Л., 2010, *О месте видовых троек в аспектуальной системе русского языка*, <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2010/materials/html/21.htm>; дата обращения: 25.10.2014.
- Зализняк А. А., Микаэлян И. Л., 2012, О некоторых дискуссионных моментах аспектологической концепции Лоры Янды, *Вопросы языкознания*, № 6, с. 48–65.
- Исаченко А. В., 2003, *Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. I–II*, Москва: Языки славянской культуры.
- Карцевский С., 1962, «Вид» [в:] Ю. С. Маслов (ред.), *Вопросы глагольного вида. Сборник*, Москва: Издательство иностранной литературы, 1962, с. 218–230. (Karcevski S., 1927, *Système du verbe russe. Essai de linguistique synchronique*, Prague: Legiografie.)
- Маслов Ю. С., 1963, *Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке*, Москва–Ленинград: Издательство АН СССР.
- Плунгян В. А., 2000, *Общая морфология. Введение в проблематику*, Москва: Эдиториал УРСС.
- Полс А., 1993, *Варианты приставочных глаголов несовершенного вида в русском языке*, Амстердам: Родопи.
- Татевосов С. Г., 2013, Множественная префиксация и ее следствия (Заметки о физиологии русского глагола), *Вопросы языкознания*, № 3, с. 42–89.
- Томмола Х., 2008, Аспектуально-значимые способы действия. К реабилитации чистоты пары [в:] *Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XI. Язык в функционально-прагматическом аспекте*, Тарту: Издательство Тартуского университета, с. 218–232.
- Ушаков Д. Н. (ред.), 1935–1940, *Толковый словарь русского языка*, т. 1–4, Москва: Государственный институт «Советская энциклопедия».
- Шведова Н. Ю. (ред.), 2005, *Русская грамматика*, т. 1, Москва: Институт русского языка им. В. В. Виноградова.
- Янда Л. А., 2012, Русские приставки как система глагольных классификаторов, *Вопросы языкознания*, № 6, с. 3–47.

- Barentsen A. A., 1985, *'Tijd', 'Aspect' en de conjunctie poka. Over betekenis en gebruik van enkele vormen in het moderne Russisch. Academisch proefschrift*, Amsterdam: University of Amsterdam.
- Janda L. A., Endresen A., Kuznetsova J., Ljashevskaya O., Makarova A., Nessel T., Sokolova S., 2013, *Why Russian aspectual prefixes aren't empty. Prefixes as verb classifiers*, Bloomington: Slavica Publishers Indiana University.